

тельно к сказке проблема художественного времени и пространства² («хроноти́па» по М. М. Бахтину) может быть осмыслена как узловая в поэтике сказки и в особом мирозерцании, особом взаимодействии героя с внешней средой.

Дуализм сказки, антитеза, лежащая в основе ее, контрастность, «эффекты неожиданности» (термин А. П. Скафтымова), отмеченные Н. М. Ведерниковой, ощущаются в своеобразном членении внешнего мира на лоскуты — пространства. Предложенное исследование деление сказочного времени на время пути и время события поможет и по-разному охарактеризовать пространства (пути и события). Первые — неопределенные, бесплотные, нематериальные, вторые — фантастические.

В 30-е годы, в пору господства вульгарно-социологического направления, народная сказка нередко рассматривалась как поэтический шифр, ребус, за которым угадывались только социальные намеки и характеристики. Отголоски такого анализа можно найти и до сих пор в попытках трактовать сказки о животных как социальные аллегории³.

В таких случаях особенно заметны отрицательные последствия методики прямого перенесения литературоведческих приемов анализа на фольклорный текст, что приводит к неверному пониманию, «к однозначности толкования образов» (стр. 79), к сближению народной сказки с литературной, иногда заведомо аллегоричной. В этом случае учет функции произведения, аудитория, для которой они исполняются, помогают избежать ошибок.

Но предположение исследовательницы, что одна и та же сказка о животных может восприниматься неодинаково в разной аудитории, вызывает сомнения. Н. Ведерникова пишет: «Можно даже предположить, что иносказательность сказки — отвлечение ее от конкретного содержания — будет тем большей, чем развитей аудитория» (стр. 78). Предположение исторически неконкретно. Устойчивая и давняя тенденция перехода сказки в детскую аудиторию снимает это предположение. Но дело не только в этом. Русский сказочный репертуар, как известно, изобилует сатирическими сюжетами. Будь сказка о животных столь склонна к социальным иносказаниям, она была бы приспособлена в качестве сатирической притчи. Наконец, современная классическая африканская сказка (которая, конечно, содержит материал для предположительных общих законов жизни сказки) лишена аллегории и сатиры⁴. Она дает похождения своеобразных образов трикстеров-животных и вся пронизана стихией комического. Народные сказки о животных формируют нравственный облик человека, но не ставят и не могут ставить задачу дать социальную картину общества. Там, где сказка о животных стала сатирой на общественные пороки (скажем, в немецкое средневековье), она подверглась литературной обработке и переосмыслению, т. е. утратила народный характер.

Работа Н. М. Ведерниковой создана в лучших традициях советской фольклористической науки. Ее отличает внимательное отношение к тексту, анализ его не в отвлечении, а в сложном взаимодействии со средой, интерес к непосредственным исполнителям и хранителям сказки, попытки изучать сказку исторически. Монографию характеризует хорошее знание предшествующей исследовательской литературы, которая вводится в оборот не в целях полемики, а с задачей оценить ее как своеобразный на данном этапе итог советской науки о сказке.

² Впервые в фольклоре поставленная Д. С. Лихачевым.

³ Некоторые страницы недавно вышедшей работы С. С. Бардахановой «Бурятские сказки о животных» (Улан-Удэ, 1974) дают примеры подобного подхода.

⁴ См.: Е. С. Котляр. Африканская сказка о животных и архаические формы повествовательного фольклора. — «Ранние формы искусства». М., 1972.

В. А. Бахтина

Фольклор русского населения Прибалтики. М., 1976, 248 с.

Давние и многогранные связи литовцев, латышей и эстонцев с русским народом в области духовной культуры привлекают к себе постоянное внимание этнографов, филологов, представителей других наук. Неуклонное расширение и углубление этих исследований открывает перед учеными новые аспекты взаимодействия и взаимообогащения культур братских народов. Одним из наиболее интересных и перспективных направлений является изучение фольклора русских старожилов в республиках Советской Прибалтики, заметно активизировавшееся в последнее время. Недавно в Латвии и Литве один за другим вышли в свет довольно крупные фольклорные сборники, подготовленные И. Д. Фридрихом и Н. К. Митропольской¹; произведения разных жанров, записанные от русского старожильского населения Прибалтики, периодически печатаются в других местных изданиях. Сборник «Фольклор русского населения Прибалтики», публикация которого предпринята по инициативе сотрудников Института этнографии имени

¹ «Русский фольклор в Латвии». Составитель И. Д. Фридрих. Рига, 1972; «Русский фольклор в Литве». Исследование и публикация Н. К. Митропольской. Вильнюс, 1975.

Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, представляет собой значительный вклад в изучение духовной культуры народов нашей страны.

Рецензируемая книга — серьезное и очень нужное сейчас научное издание, ценность которого не исчерпывается введением в научный оборот значительного количества фольклорных текстов. Песни и сказки русских старожилов Литвы, Латвии и Эстонии впервые публикуются в одной книге, что способствует сравнительному анализу особенностей и современного состояния русской фольклорной традиции в данном регионе, а также теоретическому обобщению некоторых закономерностей взаимодействия фольклора разных народов. Интересные суждения по этим вопросам содержатся во вступительной статье ответственного редактора книги Э. В. Померанцевой. Опираясь на богатый опыт советской фольклористики и этнографии, автор освещает многообразные процессы обмена духовными ценностями между народами, исторические судьбы которых издавна тесно переплетаются.

В сборнике опубликовано более 300 фольклорных произведений, в том числе 50 текстов народной прозы. Каждый из разделов предваряется обстоятельной вступительной статьей автора-составителя — Н. К. Митропольской, Т. С. Макашиной и А. Ф. Белоусова. Помимо общей характеристики публикуемых материалов, наблюдений над некоторыми специфическими особенностями бытования разных жанров среди русского старожильского населения Прибалтики, над эволюцией фольклорной традиции, в статьях приводятся необходимые для издания такого рода сведения об истории русских поселений в каждой из Прибалтийских республик, о характере отношений русских старожилов с соседями, освещается социальная сторона их жизни в иноязычном окружении.

Во вступительных статьях к разделам и в комментариях к текстам нередко содержатся ценные ссылки на весь собранный в этой республике материал по русскому фольклору (последовательнее других делает это Н. К. Митропольская). Такие данные позволяют судить о том, что скрывается за опубликованными образцами, о различиях в репертуаре песен и сказок русских старожилов каждого района.

Стремление дать общую картину бытования русского фольклора в трех Прибалтийских республиках вызвало дополнительные трудности. Прежде всего они связаны с тем, что степень изученности русской фольклорной традиции не везде одинакова, методика собирания и точность записи не всегда соответствуют современным требованиям науки. Если в Латвии опубликованные материалы записывались преимущественно профессиональными фольклористами, имеющими большой опыт полевой работы, то в Эстонии, наряду с опытными местными корреспондентами, песни и сказки собирали студенты, а раздел фольклора русских старожилов Литвы составлен почти исключительно из текстов, записанных студентами-практикантами. Сопоставительный анализ фольклорных произведений осложняется также тем обстоятельством, что записи их производились в разное время (в Латвии и Литве — в 60—70-е годы, а в Эстонии почти весь представленный в книге материал собран двумя-тремя десятилетиями ранее).

Из-за разобщенности авторского коллектива не всегда соблюдается единство в принципах отбора текстов. Следовало бы специально их оговорить, так как подчас не совсем ясно, каким песням и сказкам составители отдавали предпочтение: наиболее типичным для русского фольклора или же тем, в которых заметнее следы взаимодействия с фольклором соседних народов.

Степень близости произведений, записанных от русских старожилов в Прибалтике, к аналогичным произведениям литовского, латышского, эстонского и белорусского фольклора можно установить лишь при специальном сопоставительном анализе. Начало этой кропотливой работе положено составителями сборника. В ряде случаев они указывают на близость конкретных произведений в фольклоре разных народов, убедительно аргументируя свои предположения. Ценными являются сведения о географическом распространении сказок. Однако некоторые утверждения о заимствованиях у соседей необоснованно категоричны. Например, песня № 22 объявлена близкой к литовскому фольклору только потому, что в ней развивается тема, отмеченная и в литовской традиции. Но эта тема (на свадьбе девушки-сироты не хватает ее матери) известна песенному фольклору многих народов. Про песню № 19 сказано еще категоричнее: «Восходит к литовской песенной традиции», ибо в ней есть символ руты. Но этот символический образ столь же характерен и для белорусских песен (кстати, опубликованный вариант записан на границе с Белорусской ССР). В то же время почти дословное совпадение песни № 7 (она отнесена к свадебным песням) с литовской календарной игровой песней осталось незамеченным.

При комментировании текстов народной прозы составители сборника заведомо ограничили свои возможности тем, что придерживались устоявшейся в русской фольклористике традиции определять номера типов сказок по указателю А. Аарне — Н. Андреева, а не по международному каталогу А. Аарне — С. Томпсона. На сей раз традицию нарушить было просто необходимо: в международном каталоге учтены данные опубликованных до 1960 г. национальных каталогов литовских, латышских и эстонских сказок. Например, там можно найти сведения о том, что сказка № 201 имеет параллели не только в славянском, но и в литовском и латышском фольклоре (АТ 47, 119*), а № 209 — в фольклоре многих народов (АТ 1791). Полезно было бы обратиться к имеющимся во всех трех республиках каталогам национального фольклора (в рукописях и карточках): сведения о том, что сказки, записанные от русских старожилов, бытуют и среди их соседей, зачастую в тех же районах, были бы весьма кстати.

Разумеется, не эти частные упущения и неточности определяют рецензируемую книгу, в целом выполненную на современном научном уровне и вместе с другими публикациями по Прибалтике открывающую новый ареал бытования русского фольклора. Представленный в сборнике материал, несомненно, будет способствовать дальнейшему изучению взаимодействия фольклора разных народов.

Б. Кербелите, Ю. А. Новиков

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

A. From, K. J. Jensen, P. Friis, A. Kjaer. Sociale problemer i Grønland. København, 1975. 401 s., karter, tabeller.

Крупнейшая из эскимосских групп¹, гренландская, издавна привлекала внимание этнографов и антропологов ряда стран, в том числе и СССР. При этом исследователи уделяли основное внимание происхождению гренландцев, развитию их культуры на протяжении веков и т. д. Что касается современных этнических процессов, в частности гренландско-датской аккультурации, то они рассматривались, на наш взгляд, несколько односторонне. Ученые больше стремились зафиксировать быстро меняющиеся или исчезающие этнические особенности гренландцев во всем их многообразии (задача, безусловно, очень актуальная), нежели подвергнуть глубокому, комплексному анализу основную причину этих изменений — новые социально-экономические условия, в которых гренландцы очутились в 1950—1970 гг. И даже в тех случаях, когда попытки такого рода анализа предпринимались (например, исследования канадца Д. Дженнесса, датчан Б. Йенсена, Н. Хойлунда и др., советских ученых Л. Файнберга, Г. Аграната, В. Похлебкина), они основывались в лучшем случае на статистическом материале по экономике и демографии и не могли из-за отсутствия более подробных статистических данных сколько-нибудь полно осветить насущные проблемы эскимосского общества. Показательно, что отсутствие комплексной информации по социологии эскимосов, являющихся гражданами Дании, обеспокоило не крупнейший научный центр по изучению этнографии гренландцев — копенгагенский Институт эскимосологии, а датское министерство по делам Гренландии, и притом по причинам, как будет показано ниже, далеких от «чистой» этнографии.

Консультативный социологический комитет этого министерства предложил Копенгагенскому институту социальных исследований провести анализ гренландского общества, чтобы определить социальную адаптацию эскимосов к новым условиям труда и быта, а также факторы, на эту способность влияющие (повышение благосостояния, расширение образования, билингвизма и т. п.). Исследования были проведены в 1972—1973 гг. в основном регионе расселения — в Западной Гренландии. В них приняли участие датские и гренландские ученые — социологи, юристы, педагоги и др. Собранный на основе главным образом опроса населения материал, сделанные в результате его обработки выводы и обобщения, прогнозы и рекомендации — информация, представляющая огромный интерес для этнографии, — является содержанием рецензируемой книги.

В ее первой главе, посвященной истории этноса, дается наряду с традиционной для книг о Гренландии информацией и некоторая новая, касающаяся развития эскимосского общества в последние годы. Выработанный датской администрацией к 1950 г. план «Г-50», по которому экономика Гренландии должна была быть доведена до такого уровня, чтобы страна могла далее существовать и развиваться без помощи Дании, не был осуществлен, несмотря на очень большие датские субсидии. Были достигнуты отличные результаты в жилищном, школьном, больничном, транспортном строительстве, резко возрос уровень материального благосостояния, были решены и иные частные задачи. Однако Гренландия и по сей день не может обходиться без субсидий (они возросли с тех пор), специалистов, технической помощи Дании. Причиной этой неудачи авторы считают трудности адаптации этноса к крайне быстрому социально-экономическому развитию (стр. 54). Этим они, на наш взгляд, несколько упрощают ситуацию. Известно, что быстрый рост населения замедляет социально-экономическое развитие, как правило, отстающих стран. Другой «продукт прогресса» — загрязнение окружающей среды — поражает в основном развитые державы. Гренландия, пожалуй, единственное место на Земле, где эти два явления наблюдаются одновременно. Рост населения в 1960-х гг. достиг рекордного уровня — 4,8% в год, а пищевая база резко ухудшилась в результате ухода морского зверя, потом рыбы, отравления прибрежных вод солями свинца, цинка, кадмия и другими рудничными отходами. И если до сих пор доходы отдель-

¹ Из 50-тысячного населения Гренландии 42 тысячи составляют эскимосы.